

ВРЕМЯ И МЕСТО

Независимая газета - 2001 - 26 мая - с. 11

Григорий Чухрай

23 мая известный кинорежиссер Григорий Чухрай отпраздновал свое 80-летие. Его лучшие фильмы — «Сорок первый», «Баллада о солдате», «Чистое небо» — и сегодня продолжают волновать зрителей. Публикуем фрагменты воспоминаний режиссера, посвященные истории создания фильма «Сорок первый».

ДЕ-ТО Л.Н. Толстой сказал, что если полюбишь женщину, потом охладеешь к ней, а потом поймешь, что не можешь без нее жить, — это настоящее. Нечто подобное произошло и со мной. Мне было лет семнадцать, когда я впервые прочел повесть Бориса Лавренева «Сорок первый».

Писатель, его отношение к жизни были мне не только симпатичны, но в чем-то даже родными по духу. Я перечитывал повесть несколько раз и думал. Думал над проблемами войны вообще и Гражданской войны в частности. Благо, времени для размышлений было достаточно.

Трагическая судьба красноармейки Марютки, влюбившейся в своего врага — белого офицера, а потом застрелившей его, сегодня может показаться неправдоподобной, но у войны свои законы, которые непонятны тем, кто этого ада не прошел.

В повести все закономерно: Марюшка полюбила Говоруку-Отрока, потому что он был красив, умен, смел и потому, что, оставшись с ним наедине, она перестала видеть в нем врага. Но, когда появилась угроза того, что он станет частью враждебной ей силы, девушка проявила свой роковой выстрел — и этот выстрел был столь же закономерен в обстановке Гражданской войны, как и ее любовь.

На фронте я понял, что войны ведутся не между умными и дураками, не между подлецами и благородными героями, а между людьми разных убеждений, преследующих разные цели. Мне доводилось говорить с пленными немцами. Я видел, что многие из них вовсе не изверги. Но война поставила нас по разные стороны фронта, и я стрелял в них, а они — в меня. Каждый немецкий солдат независимо от его личных качеств — он мог быть и добрым, и умным, и любящим сына своих родителей — был частью той злой силы, которую я ненавидел. Он пришел на нашу землю, чтобы завоевать ее, а нас — мою маму, мою любимую девушку, моих друзей — всех, кто был мне дорог! — превратить в своих послушных рабов. И это не было пропагандой: все его слова и поступки свидетельствовали об этой цели. Он хотел отнять нашу культуру, наше искусство, наши убеждения, нашу мечту. За это я ненавидел немцев и стрелял в них. А они, добрые порядочные аккуратные немцы, стреляли в меня, и, если бы убили, гордились бы, что исполнили свой долг.

...Прошли годы. Я окончил институт кинематографии. Не оставил мечту сделать свой фильм по повести «Сорок первый». Получив переплывку, я собрал прежние свои наброски, привел их в порядок, что-то дописал, и получился, как я полагал, хороший сценарий. Работать было трудно и радостно. Всем своим существом, всеми своими мыслями я погружился в атмосферу тех лет. Я ощущал дыхание революции, жил ее страстями, с радостью ощущал свою причастность к ней. В ней было то, что мне по-настоящему дорого. Мне казалось, что я нашел себя.

Теперь мне казалось, что нет более актуальной и важной темы, и что, прочитав мой сценарий, все редакторы и дирекция студии поймут это и тотчас же поручат мне снять этот фильм.

С большим волнением я предложил послушать сценарий Иванченко и Донскому, они согласились. Я начал читать неуверенно, но быстро увлекся и так прочитал до конца. Сценарий понравился обоим. Я решил расписать и отдал его на студию.

Но никто из редакторов не пришел от него в восторг, высказываясь осторожные мнения: с одной стороны, это интересно, но с другой стороны... Обескураженный, но все еще уверенный в своей правоте, я стал добиваться разговора с самим директором студии и, наконец, попал к нему на прием.

Через неделю Пономаренко вызвал меня. Когда я вошел в его кабинет, увидел свой сценарий на его столе. Я взволновался, решив, что получил постановку. Но вместо этого директор по-отечески отчитал меня. Посмотрев на титульный лист сценария, директор пожал плечами:

— Кто ж нам такое позволит? Да почему же не позволить? Фильм про революцию, про Гражданскую войну. Романтический. Красивый!

— Что ж, я не читал «Сорок первого»? — лениво возразил директор. — Средняя Азия, верблюды. Красная партизанка влюбилась в белого поручика... Послушайте, Чухрай, зачем вам с этим связываться? Вы ж молодой человек. Вам надо расти...

Тут я разразился тирадой относительно достоинств темы. Я говорил о ее актуальности, о ее позитивности, о том, как красиво можно снять фильм и как дешево это обойдется студии, и говорил о том, что зритель устал от железобетонных героев со стальной арматурой вместо нервов, я призывал вер-

нуться к «Чапаеву», «Машеньке», «Члену правительства».

Директор уныло слушал меня. Он был незлым человеком и, вероятно, неплохо относился ко мне. Но у него были другие заботы, другие установки, другая система ценностей. То, что я предлагал ему, никак не вписывалось в рамки.

— Эх, Чухрай, Чухрай! — тогда-то и сказал он мне. — Вас же учили во ВГИКе, тратили народные деньги! Ну подумайте сами: зачем нам на Украине верблюды?

Что на это ответить, я не знал. Директор наотрез отказался читать мой сценарий, а мне посоветовал думать, прежде чем являться с такими предложениями. Я ушел не солоно хлебавши.

Моя надежда поставить «Сорок первый» не удалась, но я не отказался от своей мечты, надеялся, что еще представится случай.

Скоро меня снова вызвал Пономаренко и предложил мне должность второго режиссера на фильме «Триста лет тому». Приблизился трехсотлетний юбилей объеди-

— Конечно, группа работает напряженно, — продолжал я, — но главные герои еще не утверждены, поэтому костюмы и платья не шьются. А время уходит. Не сокращен еще сценарий. А он нуждается в сокращениях.

— Молодой человек, — перебил меня Корнейчук. — Сценарий приятный. Худсоветом. Отзыва были только восторженные. О каких сокращениях вы говорите?

— Я знаю, что худсовет принял сценарий на ура, но я хронометрировал ваш сценарий — это моя обязанность, — в нем четыре серии, а не одна. Снять нужно одну. Кроме того, сценарий, по-моему, несовершенный.

Сидящая рядом с мужем Ванда Василевская самоуверенно улыбнулась. Зал зашумел.

— Кто вы такой, что судите о сценарии? — возмутился Корнейчук. Из зала послышались крики: «Линить его слова», «Нахал!»

— Такие обвинения далеко не безобидны. За них нужно отвечать. Что вам не нравится в моем сценарии?

сценарием. Пономаренко еле слышным голосом объяснил:

— Сейчас Михаил Ильич расскажет нам о своем впечатлении по поводу сценария, похвалит нас и потом будет вырывать студию.

Ромм сказал:

— Критиковать сценарий я не буду, потому что он ниже всякой критики. По той же причине я поставлю фильм не могу.

— Михаил Ильич, — взмолился Пономаренко, — вы ж и сценарист! — Я сценарист, — отвечал Ромм. — Но чтобы написать сценарий, мне нужно два-три месяца на изучение материала. Времени на это нет. Времени уже ни на что нет!

Он встал и хотел выйти из зала. Пономаренко оказался на его пути. — Михаил Ильич, помогите! У меня ж две дочери, — канючил он. — Ничего не могу сделать. Время упущено, деньги растрачены. Я вижу вас на скамье подсудимых.

Вечером перед отъездом Ромма в Москву я встретился с ним. Он спросил, как мои дела. Я рассказал ему о стычке с Корнейчуком и о

фильме «Сорок первый» по Лавреневу. Как, по-вашему, справится? Юткевич (не вполне уверенно): Я думаю, может справиться.

Ромм: Безусловно, справится! Пырьев обращается к главному редактору:

— Как? Будем ставить «Сорок первый»?

Главный редактор старается понять, как настроен по этому поводу Пырьев, и наконец говорит:

— Будем! Хотя рискованно. Пырьев благодарит приглашенных. Когда они уходят, он, обняв меня за плечи, подводит к окну.

— Видишь, строится дом. Скоро он будет готов. Квартиру в нем я тебе дам, а комнату дам.

Я счастлив так, что не нахожу слов благодарности. Да и не пытаюсь что-то сказать. После войны наш дом представлял груды кирпичей. Во всем Советском Союзе я не имел ни сантиметра собственной площади. Когда я учился, мы с женой снимали за деньги углы. Миллиция зимой выгоняла нас с ребенком на улицу. Часто ночевали на

равдываться. Но Колтунов был непреклонен. В нем страх был сильнее рассудка.

— Марюшка полюбила врага, но зритель должен знать, что мы, авторы, это не одобряем. За пропаганду любви к врагу, знаете, что бывает!

— А мне неинтересно снимать такой фильм. Я хочу рассказать зрителю правду о Гражданской войне. Нацпизм рвался по-живому, и лились моря крови! — возразил я.

Я был уверен, что худсовет примет мою сторону. Этим своим намерением я поделился с С.О. Юткевичем.

— Не советую вам этого делать. На худсовет у вас будет много противников. Если вы свяжетесь еще и со своим сценаристом, сценарий зарубят.

— Как же мне быть? — Зачем вам сейчас воевать с Колтуновым? После в экспедицию и будете снимать фильм так, как считаете нужным.

Я был благодарен своему первому мастеру за этот совет.

Действительно, на худсовете у

Мне нужны горы. — Хорошо, — согласился я. Авторитет Урусовского был для меня чрезвычайно высок.

— Только начнем снимать с этого эпизода, — сказал Урусовский. — Чтобы потом ты не сказал, что этот эпизод тебе не нужен.

Это условие удивило меня.

— Да что же я, мошенник, что ли? Почему со мной так обращаются? Раз я согласился, я хитрю не буду.

Поехали в горы. Стали снимать. Постепенно я убедился, что Урусовские не дают мне работать.

Я не любил руководить ирой актеров от камеры, громко, потому как считался с их самолюбием. Я подходил к актерам и давал указания только ему. Да и то вполголоса, чтобы другие не слышали. Но на эти съемки мне этого не давали. Едва да команду «стоп», как Урусовский и Белла кричат от камеры: «Переиграй! Переиграй!» или что-нибудь в этом роде. Меня как будто на площадке и нет.

Мне неприятно, но что я могу поделать? Не кричать же: «Кто

Решаю, что не пойдут в просмотровый зал. Буду жрать решения в вестибюле. Сегодня здесь пусто. Никто не ползет к тебе с утешениями, рассуждениями, распросами. Сиди и жди свою судьбу. Из просмотрового зала доносятся последние аккорды музыки. Фильм кончился. Сейчас меня пригласят, и начнется... Я готов ко всему. Я жду, но никто меня не приглашает, волнение нарастает.

Но вот открывается дверь, и в ней появляется Пырьев. Лицо бледное. Решаю, будет ругать — опрашивать не буду.

Пырьев подходит ко мне, обнимает и шепчет в шею. Фильм принят, понимаю я. С трудом удерживаю слезы.

— Пойдем, — говорит Пырьев. Он взволнован.

Как пьяный, плетусь за ним в кабинет. Пырьев открывает ящик стола и отдает мне бумажку, сложенную вчетверо.

— Храни, — говорит он, — как документ величайшей человеческой подлости.

Выхожу из кабинета и только сейчас разворачиваю бумажку. Это донос. Больше жалит душу слова: «Под этой грязной белогвардейской стриптией я не поставлю своего честного имени (Г. Колтунов)».

Встретившись с Колтуновым у кассы (я шел из столовой, а он получал гонорар), я сказал:

— Вы написали на меня политический донос. Вы негодяй. Я обещаю вам, что каждый раз, когда речь пойдет о «Сорок первом», буду цитировать строки вашего доноса.

Это обещание я выполнил.

Я вовсе не злопамятен. Я храню в своем архиве не один донос, но ни с кем из доносчиков я никогда не сводил счеты. Я даже не полагал вида, что знаю о них. Но Колтунова я простить не могу. Его донос имел политический характер, мог навредить, да погубит меня в самом начале моей карьеры художника. Человек должен отвечать за свои поступки.

На «Мосфильме» успех «Сорок первого» приписывали Урусовскому, и я не отрицал этого мнения. Не желал выглядеть смешным.

Как пьяный, плетусь за ним в кабинет. Пырьев открывает ящик стола и отдает мне бумажку, сложенную вчетверо.

— Храни, — говорит он, — как документ величайшей человеческой подлости.

Выхожу из кабинета и только сейчас разворачиваю бумажку. Это донос. Больше жалит душу слова: «Под этой грязной белогвардейской стриптией я не поставлю своего честного имени (Г. Колтунов)».

Встретившись с Колтуновым у кассы (я шел из столовой, а он получал гонорар), я сказал:

— Вы написали на меня политический донос. Вы негодяй. Я обещаю вам, что каждый раз, когда речь пойдет о «Сорок первом», буду цитировать строки вашего доноса.

Это обещание я выполнил.

Я вовсе не злопамятен. Я храню в своем архиве не один донос, но ни с кем из доносчиков я никогда не сводил счеты. Я даже не полагал вида, что знаю о них. Но Колтунова я простить не могу. Его донос имел политический характер, мог навредить, да погубит меня в самом начале моей карьеры художника. Человек должен отвечать за свои поступки.

На «Мосфильме» успех «Сорок первого» приписывали Урусовскому, и я не отрицал этого мнения. Не желал выглядеть смешным.

Как пьяный, плетусь за ним в кабинет. Пырьев открывает ящик стола и отдает мне бумажку, сложенную вчетверо.

— Храни, — говорит он, — как документ величайшей человеческой подлости.

Выхожу из кабинета и только сейчас разворачиваю бумажку. Это донос. Больше жалит душу слова: «Под этой грязной белогвардейской стриптией я не поставлю своего честного имени (Г. Колтунов)».

Встретившись с Колтуновым у кассы (я шел из столовой, а он получал гонорар), я сказал:

— Вы написали на меня политический донос. Вы негодяй. Я обещаю вам, что каждый раз, когда речь пойдет о «Сорок первом», буду цитировать строки вашего доноса.

Это обещание я выполнил.

Я вовсе не злопамятен. Я храню в своем архиве не один донос, но ни с кем из доносчиков я никогда не сводил счеты. Я даже не полагал вида, что знаю о них. Но Колтунова я простить не могу. Его донос имел политический характер, мог навредить, да погубит меня в самом начале моей карьеры художника. Человек должен отвечать за свои поступки.

На «Мосфильме» успех «Сорок первого» приписывали Урусовскому, и я не отрицал этого мнения. Не желал выглядеть смешным.

Как пьяный, плетусь за ним в кабинет. Пырьев открывает ящик стола и отдает мне бумажку, сложенную вчетверо.

— Храни, — говорит он, — как документ величайшей человеческой подлости.

Выхожу из кабинета и только сейчас разворачиваю бумажку. Это донос. Больше жалит душу слова: «Под этой грязной белогвардейской стриптией я не поставлю своего честного имени (Г. Колтунов)».

Встретившись с Колтуновым у кассы (я шел из столовой, а он получал гонорар), я сказал:

— Вы написали на меня политический донос. Вы негодяй. Я обещаю вам, что каждый раз, когда речь пойдет о «Сорок первом», буду цитировать строки вашего доноса.

Это обещание я выполнил.

Я вовсе не злопамятен. Я храню в своем архиве не один донос, но ни с кем из доносчиков я никогда не сводил счеты. Я даже не полагал вида, что знаю о них. Но Колтунова я простить не могу. Его донос имел политический характер, мог навредить, да погубит меня в самом начале моей карьеры художника. Человек должен отвечать за свои поступки.

На «Мосфильме» успех «Сорок первого» приписывали Урусовскому, и я не отрицал этого мнения. Не желал выглядеть смешным.

Как пьяный, плетусь за ним в кабинет. Пырьев открывает ящик стола и отдает мне бумажку, сложенную вчетверо.

— Храни, — говорит он, — как документ величайшей человеческой подлости.

Выхожу из кабинета и только сейчас разворачиваю бумажку. Это донос. Больше жалит душу слова: «Под этой грязной белогвардейской стриптией я не поставлю своего честного имени (Г. Колтунов)».

Встретившись с Колтуновым у кассы (я шел из столовой, а он получал гонорар), я сказал:

— Вы написали на меня политический донос. Вы негодяй. Я обещаю вам, что каждый раз, когда речь пойдет о «Сорок первом», буду цитировать строки вашего доноса.

Это обещание я выполнил.

Я вовсе не злопамятен. Я храню в своем архиве не один донос, но ни с кем из доносчиков я никогда не сводил счеты. Я даже не полагал вида, что знаю о них. Но Колтунова я простить не могу. Его донос имел политический характер, мог навредить, да погубит меня в самом начале моей карьеры художника. Человек должен отвечать за свои поступки.

На «Мосфильме» успех «Сорок первого» приписывали Урусовскому, и я не отрицал этого мнения. Не желал выглядеть смешным.

Как пьяный, плетусь за ним в кабинет. Пырьев открывает ящик стола и отдает мне бумажку, сложенную вчетверо.

— Храни, — говорит он, — как документ величайшей человеческой подлости.

Выхожу из кабинета и только сейчас разворачиваю бумажку. Это донос. Больше жалит душу слова: «Под этой грязной белогвардейской стриптией я не поставлю своего честного имени (Г. Колтунов)».

Встретившись с Колтуновым у кассы (я шел из столовой, а он получал гонорар), я сказал:

— Вы написали на меня политический донос. Вы негодяй. Я обещаю вам, что каждый раз, когда речь пойдет о «Сорок первом», буду цитировать строки вашего доноса.

Это обещание я выполнил.

Я вовсе не злопамятен. Я храню в своем архиве не один донос, но ни с кем из доносчиков я никогда не сводил счеты. Я даже не полагал вида, что знаю о них. Но Колтунова я простить не могу. Его донос имел политический характер, мог навредить, да погубит меня в самом начале моей карьеры художника. Человек должен отвечать за свои поступки.

На «Мосфильме» успех «Сорок первого» приписывали Урусовскому, и я не отрицал этого мнения. Не желал выглядеть смешным.

Как пьяный, плетусь за ним в кабинет. Пырьев открывает ящик стола и отдает мне бумажку, сложенную вчетверо.

— Храни, — говорит он, — как документ величайшей человеческой подлости.

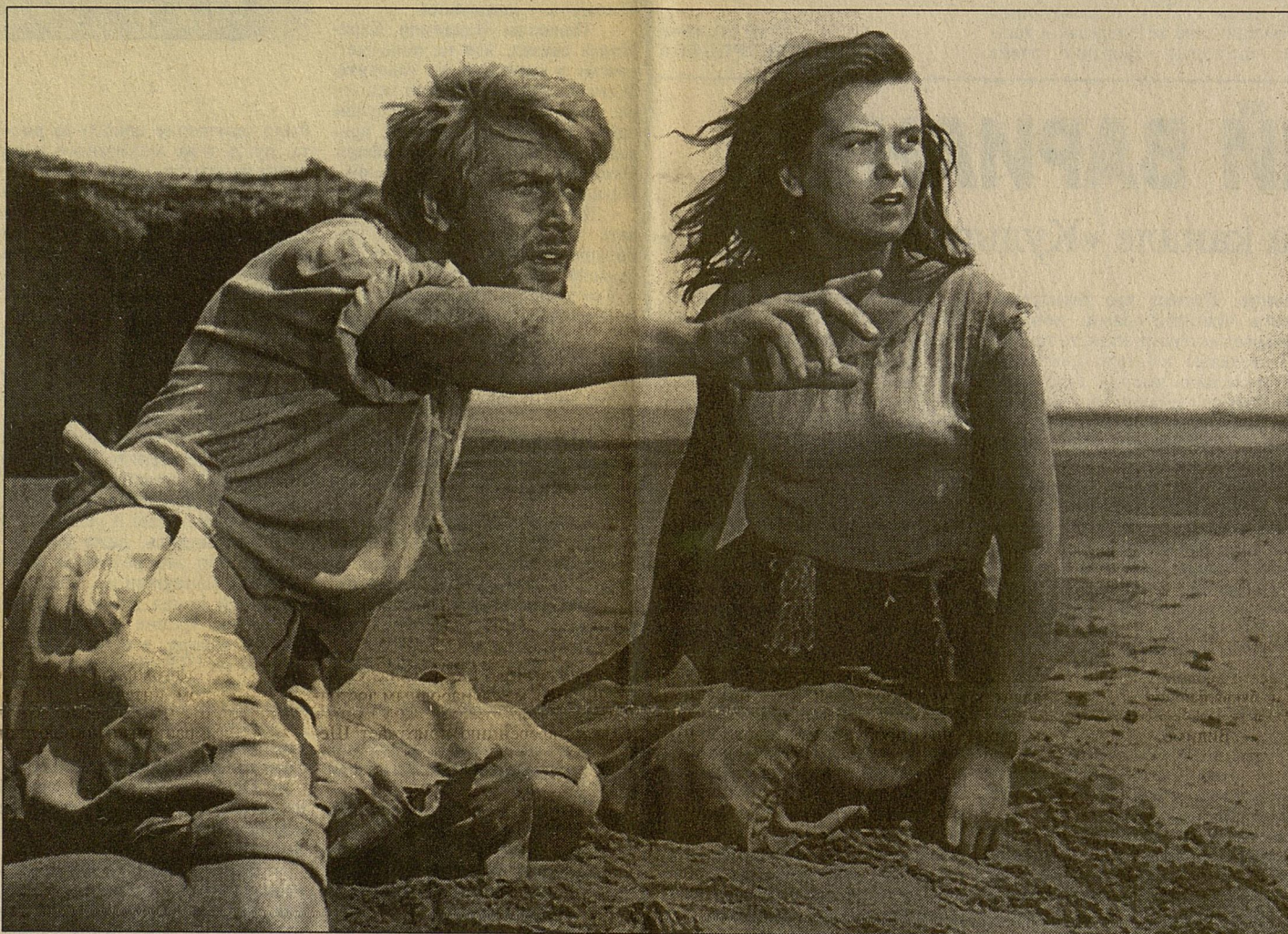
Выхожу из кабинета и только сейчас разворачиваю бумажку. Это донос. Больше жалит душу слова: «Под этой грязной белогвардейской стриптией я не поставлю своего честного имени (Г. Колтунов)».

Встретившись с Колтуновым у кассы (я шел из столовой, а он получал гонорар), я сказал:

— Вы написали на меня политический донос. Вы негодяй. Я обещаю вам, что каждый раз, когда речь пойдет о «Сорок первом», буду цитировать строки вашего доноса.

Фильм — это поступок

Из книги воспоминаний «Моя война»

Кадр из фильма «Сорок первый».

рии?! — в вопросе Корнейчука звучала угроза.

Меня обаял полемический зуд. Мне нравились эпизоды Корнейчука. Я незлобиво злился с начала войны, когда прочитал его подхалимскую пьесу, в которой за неудачу в первый период войны обвинялись генералы.

— Вы против объединения Украины с Россией? — негодовал Корнейчук. Он был председателем Совета национальности СССР. И не допуская с собой разговора на равных. Но армия меня научила ничему не бояться, если я прав.

— Почему? Я горд тем, что наши народы были вместе триста лет, что мы вместе совершили Октябрьскую революцию, и вместе победили немцев в Отечественной войне, и сейчас вместе строим социализм. Но почему у вас русский царь в сценарии трактуется как герой?

— Он взял Украину под свою высокую руку! — крикнул Корнейчук. — Да кто бы ее не взял? Такую прекрасную страну?

Зал зашумел — Корнейчук был председателем Совета национальностей, а тут какой-то нахал учит его. С другой стороны, многим это понравилось — Корнейчука недолюбливали, и было за что. Талантливый писатель заигрался в политику и перестал быть художником.

Зал шумел.

— Гнать Чухрай из партии! — предложил кто-то из зала.

— Я согласен! — крикнул я, чтобы перебить зал. От неожиданности зал затих. — Я согласен! Если фильм будет снят в срок, значит, я интриган и в партии мне не место. Но если фильм не будет снят, значит, я правильно предупредил партию. За что же меня исключать?

Из партии меня на сей раз не выгнали — слишком серьезным был поданный мной вопрос. Но сняли с работы и других работ не предлагали. Зарплату я перестал получать. А у меня семья.

Проходило время. Я узнавал, что «Триста лет тому» к юбилею опоздал, что Левчук и Крушельницкий от режиссуры и что студия ищет режиссера, который бы вынул фильм. Потом я узнал, что на студию приезжает Михаил Ромм. Я специально уехал из Киева, чтобы не сказали, что я влиял на решение Ромма. Но, когда было объявлено выступление Ромма по поводу приглашения студии, я вернулся в Киев, чтобы видеть, как это будет происходить.

Зал был набит до отказа. Ждали появления Ромма. Наконец Ромм появился, бросил на стол папку со

том, что зарабатываю на стороне. Он выслушал меня, посочувствовал и уехал. А через несколько дней я получил телеграмму от Пырьева: «Приезжай для делового разговора».

Я СТАВЛЮ ФИЛЬМ «СОРОК ПЕРВЫЙ».

Приезжаю на «Мосфильм», в бюро пропусков, где, будучи студентом, я часами дожидался пропуска и как главный обладатель пропуска казался мне счастливым. Обращаясь в бюро пропусков.

— Чухрай? Пожалуйста. Вот пропуск, проходите.

Поднявшись на четвертый этаж. Робко обращаюсь к секретарше.

— Заходите, Иван Александрович вас ждет.

Такого я и представить себе не мог. Смущенный, захожу в кабинет Пырьева.

— А! Заходи, заходи! Садись, рассказывай, как ты воевал с Корнейчуком?..

Нехоту начинаю рассказ. Пырьев слушает внимательно, интересуется подробностями. Неожиданно спрашивает:

— Если бы ты был царем, какой фильм ты бы поставил?

Я смущаюсь. Я не ожидал такого. — Иван Александрович, — начинаю я.

— Не рассуждай. Отвечай на вопрос.

— Если бы ты был царем, я поставил бы «Сорок первый».

— А ведь был же такой фильм. — Знаю. Протазанова.

— Поминишь, кто там играл? — Коваль-Самборский и Жеймо, ваша первая жена.

— И что же?.. Тот был черно-белый, а ты хочешь снять цветной? — Хочу снять совсем по-другому.

Пытаюсь коротко сформулировать сущность замысла.

— Не горюпись. Рассказывай подробно. — Нажимаю кнопку переводчика: — Леночка, никого ко мне не пускайте. Я занят.

Начинаю рассказывать подробно. Пырьев внимательно слушает. Неожиданно спрашивает:

— У тебя есть сценарий?

— Есть.

— Кто писал?

вокзалах. А тут обещают комнату. Сказка продолжается!

Выхожу с Пырьевым в коридор. Пырьев советует мне, как оформить перевод из Украины на «Мосфильм». Потом спрашивает:

— Снимать будешь по своему сценарию?